

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

КРОПОТКИН Георгий Михайлович

Правящая бюрократия и «новый строй» в России
(1905–1907 гг.)

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва

2007

Работа выполнена на кафедре истории России XIX – начала XX вв.
Исторического факультета Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Захарова Лариса Георгиевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Тютюкин Станислав Васильевич
(ИРИ РАН)

кандидат исторических наук, доцент
Полунов Александр Юрьевич
(МГУ им. М.В.Ломоносова,
Факультет государственного управления)

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов

Защита состоится «____» _____ 2007 г. в 16.00 часов
на заседании Диссертационного совета К.501.001.09 по отечественной
истории в Московском государственном университете им.
М.В.Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й
корпус гуманитарных факультетов, аудитория № 550.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им.
А.М.Горького (МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан «____» _____ 2007 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Н.В.Козлова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет и актуальность исследования.

Манифест 17 октября 1905 г. и последовавшее за ним новое издание Основных законов 1906 г. вносили заметные изменения в государственный строй Российской империи. Для современников, а затем и исследователей, эти законодательные акты означали рождение «нового строя», но сказать, что именно «родилось», было трудно как в начале XX в., так и сто лет спустя. Характеристики «нового строя» как «самодержавной конституционности»¹ или «думской монархии»² лишь подчеркивали парадоксальность этой политической системы, возникшей из «смут и волнений» 1905 г. Важно отметить, впрочем, что манифест 17 октября лишь декларировал расширение политических прав и свобод русского общества, не предвещая вопроса о том, какие последствия это расширение будет иметь для государственного строя империи.

Особое значение при этом приобретала позиция «правлящей бюрократии» – узкого круга высокопоставленных сановников, входивших в «объединенное правительство» и определявших внутреннюю политику самодержавия, которая, в свою очередь, влияла на все стороны жизни общества. В условиях «нового строя» ключевая роль правящей бюрократии в решении важнейших вопросов, стоявших перед страной, не только противопоставляла правительство представительным учреждениям с их притязаниями на власть, но и фактически существенно ограничивала монарха. Ведь самые разнообразные факторы политической жизни – будь то воля императора или революционное движение – оказывали влияние на правительственную политику лишь постольку, поскольку они преломлялись в сознании ее руководителей. Без детального изучения их восприятия формирующегося «нового строя», его истоков, сущности и перспектив, невозможна адекватная интерпретация этой политической системы, а вместе с тем невозможно и понимание истории последних лет императорской России.

При этом было бы некорректно рассматривать представления сановников о новом государственном устройстве в отрыве от их общей оценки состояния страны и общественных настроений, их видения целей и путей развития империи. Сама конструкция «нового строя», предусматривавшая создание народного представительства, остро ставила перед правительством проблему поиска социальной опоры режима, причем не только среди политических партий, но и в широких общественных кругах.

Вопрос о том, как видели государственные деятели новую политическую систему и свое место в ней, и как отражалось это восприятие в

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, [1938]. С. 220.

² Христофоров И.А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005; Малышева О.Г. Думская монархия: рождение, становление, крах. Ч. 1–2. М., 2001–2003.

правительственной политике, представляет особый интерес применительно к 1905–1907 гг. Этот период для правящих кругов Российской империи оказался временем исканий и самоопределения, последствием (но не окончанием) которых стало изменение избирательного закона. Оно знаменовало собой новый этап в эволюции государственного устройства – возникновение т.н. «третьеиюньской системы».

Степень изученности проблемы.

Проблема восприятия правящей бюрократией «нового строя» российской государственности в 1905–1907 гг. в отечественной историографии специально не исследовалась. Тем не менее ее постановка и рассмотрение обусловлены всем ходом изучения внутренней политики самодержавия данного периода в течение последних десятилетий.

В советской исторической науке изменения государственного строя после манифеста 17 октября 1905 г. первоначально лишь бегло освещались в общих работах о первой русской революции³. Позднее, с 1970-х гг., началось активное изучение различных аспектов правительственной политики: взаимоотношений самодержавия с буржуазией (в работах Е.Д.Черменского и В.И.Старцева) и дворянством (в исследовании Ю.Б.Соловьева), аграрной политики самодержавия (в монографии С.М.Сидельникова)⁴. Уже в 1980-е годы вопрос о государственных преобразованиях в 1905–1907 гг., наряду с другими направлениями деятельности Совета министров, получил рассмотрение в работе Н.Г.Королевой⁵. Итогом этого исследовательского направления стала коллективная монография «Кризис самодержавия в России. 1895–1917», где соответствующие разделы были написаны Р.Ш.Ганелиным⁶.

В этих работах (особенно в двух последних) был введен в научный оборот обширный массив источников, рассмотрены основные составляющие внутривластного курса правительства в годы революции. В целом, однако, советской историографии был присущ больший интерес к правительственным мероприятиям, чем к их разработчикам, цели и мотивы которых зачастую оставались неизученными. В то же время появившиеся в 1970–1980-е годы работы, бесспорно, стимулировали дальнейшее изучение внутренней политики самодержавия, пробуждали интерес к ее руководителям.

Позже, с начала 1990-х годов, появляется целый ряд исследований, посвященных государственным деятелям начала XX в., в первую очередь

³ Панкратова А.М. Первая русская революция 1905–1907 гг. М., 1940; Очерки истории СССР. Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. М., 1955.

⁴ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917. Л., 1977; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981; Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980.

⁵ Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982.

⁶ Ганелин Р.Ш. Царизм и 1905 год. // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

П.А.Столыпину⁷ и С.Ю.Витте⁸. Чрезвычайно интересен политический портрет П.Н.Дурново, данный в статье А.П.Бородина⁹. В ряде статей освещена жизнь и деятельность Н.Н.Кутлера, И.И.Толстого, С.Д.Урусова¹⁰. Тем не менее о значительной части сановников либо совсем нет работ, либо имеются лишь малосодержательные очерки, основанные на довольно скудном материале.

При этом до настоящего времени изучение правящей бюрократии и внутренней политики периода первой русской революции проводится почти исключительно в рамках биографического жанра. Подобные работы, несомненно, обогатили отечественную историографию, позволили лучше узнать и понять взгляды отдельных государственных деятелей, раскрыть их роль в принятии правительственных решений. С другой стороны, становится очевидным, что этот жанр не вполне отвечает задаче изучения тех противоречий и столкновений, в ходе которых формировалась правительственная политика. Понять позицию того или иного государственного деятеля зачастую оказывается возможным лишь при соотнесении ее с позициями его единомышленников и оппонентов, в контексте поиска и реализации правительственного курса, что неизбежно уводит автора за рамки собственно «жизнеописания».

Участие правящей бюрократии в формировании внутренней политики самодержавия в период от убийства Плеве до манифеста 17 октября 1905 г. детально освещено в монографии Р.Ш.Ганелина¹¹. В начале 1990-х гг. была опубликована также статья И.К.Кирьянова и М.Н.Лукьянова, в которой на основе материалов Петергофских и Царскосельских Особых совещаний авторы делают ряд интересных наблюдений относительно мировоззрения сановников. Статистическое изучение этих материалов, по мнению Кирьянова и Лукьянова, «свидетельствует о постепенном отходе от идеи самобытности России в умонастроениях бюрократической элиты»¹².

⁷ Аврех А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992; Островский И.В. П.А.Столыпин и его время. Новосибирск, 1992; Корелин А.П. Петр Аркадьевич Столыпин. // Российские реформаторы XIX – начала XX в. М., 1995; Корелин А.П. Политическая программа П.А.Столыпина: либерально-консервативный синтез. // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001.

⁸ Боханов А.Н. Сергей Юльевич Витте. // Российские реформаторы XIX – начала XX вв. М., 1995; Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю.Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

⁹ Бородин А.П. П.Н.Дурново: портрет царского сановника. // Отечественная история. 2000. № 3.

¹⁰ Марченкова Л.В. Н.Н.Кутлер: материалы к биографии. // Из глубины времен. Вып. 8. СПб., 1997; Соколов А.С. Н.Н.Кутлер на службе России (до 1917 г. и после). // Историки размышляют. Вып. 1. М., 1999; Сухорукова А.С. Иван Иванович Толстой (1858–1916) – министр, общественный деятель, нумизмат. // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997; Нейхардт А.А. И.И.Толстой: ученый, человек, гражданин. (Штрихи к портрету). // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999; Толстая Л.И., Ананьич Б.В. И.И.Толстой – гофмейстер и правозащитник. // На пути к революционным потрясениям. СПб.–Кишинев, 2001; Хайлова Н.Б. От «образцового губернатора» до «образца советского работника»: судьба кн. С.Д.Урусова. // Историк и художник. 2004. № 1.

¹¹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.

¹² Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Российская бюрократия в условиях кризиса, 1905–1906 гг. //

Особо следует отметить изданную недавно коллективную монографию «Первая революция в России: взгляд через столетие», в которой предпринята попытка целостной характеристики как общественного движения, так и правительственной политики в революционные годы. Рассматривая преобразования 1905–1906 гг., И.А.Христофоров указывает на беспочвенность «любого сугубо объективистского взгляда на их смысл и судьбу» и подчеркивает принципиальное значение вопроса о восприятии правительственного реформаторства самими его авторами¹³.

В самое последнее время наблюдается увеличение интереса к новому государственному строю, основание которого было заложено манифестом 17 октября 1905 г. В ряде работ отдельные аспекты этого строя рассмотрены на протяжении всего времени его существования. Здесь можно назвать работу О.Г.Малышевой, посвященную возникновению и эволюции «думской монархии»¹⁴, монографию А.С.Тумановой, в которой центральной является проблема формирования в России гражданского общества¹⁵, и диссертацию Г.С.Варнаковой, где ставится задача дать характеристику Совета министров на основе комплекса документов личного происхождения¹⁶. Очевидно, однако, что столь широкий хронологический охват существенно затрудняет возможность разобраться в деталях отношения правящих кругов к «новому строю» в период его становления.

В эмигрантской литературе отдельные направления правительственной политики этого периода, на основе очень ограниченного количества доступных за границей источников, освещались в работах Н.Н.Рутыча¹⁷, В.В.Леонтовича¹⁸, К.А.Кривошеина¹⁹.

Среди зарубежных исследований, в которых затрагиваются проблемы правительственной политики в годы первой русской революции, следует отметить труды Э.И.Хиэли, Х.Д.Мелингера и Дж.М.Топмсона²⁰. Особое место в этом ряду занимает монография Доминика Ливена «Russia's rulers under the old regime», в которой автор ставит своей задачей «понять, какой тип людей правил Россией в последние годы Империи» и нарисовать коллективный портрет

Политическая и духовная культура Европы. (Новое и новейшее время). Пермь, 1992. С. 66.

¹³ Первая революция в России. С. 413.

¹⁴ Малышева О.Г. Ук. соч.

¹⁵ Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.

¹⁶ Варнакова Г.С. Состав Совета министров Российской империи 1905–1914 гг. (Опыт индивидуальной и коллективной характеристик на основе комплекса документов личного происхождения). (Автореф.) М., 2004.

¹⁷ Рутыч Н.Н. П.А.Столыпин и думская монархия. // Рутыч Н.Н. Думская монархия: Статьи разных лет. СПб., 1993. С. 30–32; его же. В поисках «правительства доверия». // Там же. С. 33–47.

¹⁸ Леонтович В.В. История либерализма в России. Москва, 1995.

¹⁹ Кривошеин К.А. А.В.Кривошеин. Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973.

²⁰ Healy A.E. The Russian autocracy in crisis 1905–1917. Hamden, 1976; Mehlinger H.D., Thomson J.M. Count Witte and the tsarist government in the 1905 Revolution. Bloomington–London, 1972; The politics of rural Russia. 1905–1914. Bloomington–London, 1979.

правлящей элиты, изучить ее «ценности, взгляды и умонастроения», а также проследить, каким образом они формировались²¹. Избранный Д.Ливеном критерий отбора представителей правящей элиты (лица, назначенные в Государственный совет в 1894–1914 гг.), при всей его условности, позволяет охватить почти всех государственных деятелей, игравших ключевые роли в управлении страной, в т.ч. значительную часть лиц, непосредственно причастных к формированию правительственной политики. Особого внимания заслуживают включенные в книгу в качестве отдельных глав крупные биографические очерки таких сановников, как П.Н.Дурново и А.Д.Оболенский (оба они входили в правительство в период премьерства С.Ю.Витте)²². Однако панорамический взгляд и широкие хронологические рамки не позволяли автору детально рассмотреть участие высокопоставленных сановников в формировании «нового строя» в конце 1905 – 1907 гг., проследить изменение их отношения к представительным учреждениям и политическим партиям, поиски социальной опоры. Все эти аспекты политической истории начала XX в. в зарубежной историографии, как и в отечественной, затрагивались лишь частично.

Источниковая база исследования.

Изучение участия правящей бюрократии в формировании внутренней политики самодержавия требует привлечения широкого круга источников, причем особое значение принадлежит источникам личного характера – дневникам, воспоминаниям, письмам и проч., – в которых наиболее полно отразились воззрения высокопоставленных сановников. Именно анализ данных материалов позволяет выявить круг тем и вопросов, представлявших первостепенный интерес для руководителей правительственной политики; между тем, до недавнего времени эти источники использовались значительно меньше, нежели документы официального делопроизводства.

К числу важнейших источников по изучаемой теме относятся дневники государственных деятелей. До наших дней сохранились дневники лишь двух сановников, занимавших министерские посты в изучаемый период: гр. И.И.Толстого, министра народного просвещения в октябре 1905 – апреле 1906 гг., и А.П.Извольского, министра иностранных дел в 1906–1909 гг. Дневник Толстого охватывает период с сентября 1906 г. по апрель 1916 г., когда непосредственного влияния на правительственную политику Толстой уже не оказывал. Однако немалый интерес представляют, во-первых, его собственные взгляды, нашедшие в дневнике подробное отражение, а во-вторых, записи его бесед с другими сановниками, с которыми граф поддерживал общение²³. Дневник Извольского велся им с января по апрель 1906 г., когда

²¹ Lieven D.C.B. Russia's rulers under the old regime. New Haven–London, 1989. P. XI–XII.

²² Там же. P. 207-230, 256-276.

²³ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. Публ. Л.И.Толстая. СПб., 1997.

автор занимал должность посланника в Копенгагене. В дневнике содержатся ценные свидетельства об отношении автора в эти месяцы к различным общественным силам, позволяющие лучше понять его позицию в кабинете И.Л.Горемыкина и позже в правительстве П.А.Столыпина. Дневник Извольского не опубликован и впервые вводится в научный оборот²⁴.

Ряд уникальных сведений о взглядах и настроениях высокопоставленных сановников, их оценках ситуации и правительственной политики, содержится также в дневниках члена Государственного совета А.А.Половцова²⁵, ген. А.А.Киреева²⁶, генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и Петербургского военного округа Г.О.Рауха²⁷, главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений бар. А.А.Будберга²⁸, помощника военного министра А.А.Поливанова²⁹, главного начальника военно-учебных заведений вел. кн. Константина Константиновича³⁰ и чиновника МИД А.А.Гирса³¹.

Вторую и наиболее обширную группу источников составляют воспоминания государственных, а также общественных деятелей. Лишь немногие из них были составлены до революции, тогда как большинство относится уже к эмигрантскому периоду жизни авторов.

Наиболее широко использованы в историографии воспоминания С.Ю.Витте, первого главы «объединенного правительства». Составленные в 1907–1912 гг., они были тесно связаны с публицистической деятельностью Витте в эти годы. Это отразилось, разумеется, и на тексте мемуаров: каждая страница их дышит пристрастностью, которую автор даже не пытается скрывать. В Советском Союзе они были изданы дважды: в 1923–1924 гг. и в 1960 г.³². Отдельного упоминания заслуживает осуществленная недавно публикация подлинных, не подвергшихся редакторской правке текстов рукописных заметок и стенографических записей Витте³³.

Почти полной противоположностью мемуарам премьера были воспоминания И.И.Толстого. «Воспоминания» охватывают период пребывания Толстого на посту министра народного просвещения и написаны в течение нескольких месяцев после отставки. В центре внимания графа естественным

²⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 86.

²⁵ Половцов А.А. Дневник. // Красный архив. 1923. Т. 4; ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 69.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 126. Д. 14.

²⁷ Раух Г.О. Дневник. // Красный архив. 1926. Т. 6.

²⁸ ГАРФ. Ф. 859. Оп. 1. Д. 11.

²⁹ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. Т. 1. М., 1924.

³⁰ Константин Константинович, вел. кн. Из дневника Константина Романова. // Красный архив. 1930. Т. 6. 1931. Т. 1–2; ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55, 57–58.

³¹ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 3.

³² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1–3. М.–П., 1923–1924; Витте С.Ю. Воспоминания. Публ. А.Л.Сидоров, Р.Ш.Ганелин, Б.В.Ананьич. Т. 1–3. М., 1960.

³³ Из архива С.Ю.Витте: Воспоминания. Публ. Б.В.Ананьич, Р.Ш.Ганелин, С.В.Куликов, С.К.Лебедев, И.В.Лукоянов. Т. 1–2. СПб., 2003.

образом оказалась политика в области народного просвещения; с предельной четкостью сформулирована политическая позиция самого автора; живо изображены прения в Совете министров и Особых совещаниях, расстановка сил в правительстве Витте³⁴.

Еще один мемуарист – С.Е.Крыжановский – занимал пост товарища министра внутренних дел и играл видную роль в правящих кругах; он, в частности, был первоначальным автором избирательных законов 11 декабря 1905 г. и 3 июня 1907 г., ряда иных законодательных актов. Его воспоминания дошли до нас в двух существенно различных редакциях, одна из которых была составлена в 1912–1913 гг., а другая – в 1920-х гг., в эмиграции³⁵.

Среди мемуаров, составленных после революции, следует выделить «Черты и силуэты прошлого» В.И.Гурко, также являвшегося товарищем министра внутренних дел. В центре внимания Гурко были взаимоотношения власти и общественных сил, вокруг этой проблемы составлена, по сути, вся его книга. Сам ее автор был незаурядной фигурой в среде высшей бюрократии, одним из основных творцов аграрной реформы, получившей имя Столыпина, автором декларации кабинета Горемыкина в I Государственной думе, где Гурко неоднократно выступал и лично по земельному вопросу³⁶. Непосредственно связан с Министерством внутренних дел был и кн. С.Д.Урусов. Проведя на посту товарища министра недолгие, но бурные месяцы осени и зимы 1905–1906 гг., он сохранил в памяти весьма характерные для того момента высказывания П.Н.Дурново и С.Ю.Витте³⁷.

Совсем недавно опубликованы, и еще практически не использовались исследователями воспоминания главноуправляющего землеустройством и земледелием кн. Б.А.Васильчикова³⁸. Среди руководителей правительственной политики, чьи мемуары дошли до нас, следует также назвать министра иностранных дел А.П.Извольского³⁹, министра финансов В.Н.Коковцова⁴⁰ и военного министра А.Ф.Редигера⁴¹. Ряд ценных сведений о настроениях в правящих кругах сохранился и в воспоминаниях менее влиятельных представителей бюрократического мира, таких как начальник канцелярии

³⁴ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого. Публ. Л.И.Толстая, Р.Ш.Ганелин, А.Е.Иванов. М., 1997.

³⁵ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора. Публ. С.В.Пронкин. // Вопросы истории. 1997. № 2–4; Крыжановский С.Е. Воспоминания.

³⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Публ. Н.П.Соколов, А.Д.Степанский. М., 2000.

³⁷ «Не переоцените моих сил и способностей». Из воспоминаний кн. С.Д. Урусова о 1905 г. Публ. Н.Б.Хайлова. // Исторический архив. 2004. № 1; ОР РГБ. Ф. 550. К. 2. Д. 4.

³⁸ Васильчиков Б.А. Воспоминания. Публ. Г.И.Васильчиков. М., 2003.

³⁹ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989.

⁴⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919. Публ. В.И.Бовыкин, А.К.Сорокин. Кн. 1. М., 1992.

⁴¹ Редигер А.Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра. Публ. Л.Я.Саега, Н.В.Ильина. Т. 1–2. М., 1999.

Министерства императорского двора А.А.Мосолов⁴², начальник Петербургского охранного отделения А.В.Герасимов⁴³, начальник канцелярии МВД Д.Н.Любимов⁴⁴ и чиновник канцелярии Комитета министров П.П.Менделеев⁴⁵.

Помимо этого, о П.А.Столыпине оставила воспоминания его дочь⁴⁶, а о министре юстиции И.Г.Щегловитове – его жена⁴⁷. Некоторые ценные свидетельства о позиции высокопоставленных сановников можно почерпнуть из воспоминаний таких общественных деятелей, как П.Н.Милюков, Д.Н.Шипов, А.Ф.Кони, А.И.Гучков, Ф.А.Головин, Л.М.Клячко (Львов)⁴⁸.

Значительно менее обширна, по сравнению с дневниками и воспоминаниями, переписка высших сановников империи за годы первой русской революции, которая в массе своей либо не введена, либо только вводится в научный оборот. Между тем, немалую ценность представляют сохранившиеся письма А.А.Бирилева⁴⁹, С.Ю.Витте⁵⁰, гр. И.И.Воронцова-Дашкова⁵¹, В.И.Гурко⁵², П.Н.Дурново⁵³, П.М.Кауфмана⁵⁴, А.В.Кривошеина⁵⁵, С.Е.Крыжановского⁵⁶, Н.Н.Кутлера⁵⁷; С.С.Манухина⁵⁸, А.Ф.Редигера⁵⁹, А.С.Стишинского⁶⁰, П.А.Столыпина⁶¹, гр. И.И.Толстого⁶², П.Х.Шванебаха⁶³.

Весьма важен для изучаемой темы и другой тип источников – документы официального происхождения, среди которых в первую очередь следует отметить материалы делопроизводства Совета министров: мемории и особые журналы. Основная ценность этого вида источников в том, что именно они нагляднее всего позволяют проследить связь между взглядами представителей правящей бюрократии и их воплощением на практике, в различных

⁴² Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.

⁴³ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109–110.

⁴⁶ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Л., 1990.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 52. Щегловитова М.Ф. Мои воспоминания о муже И.Г.Щегловитове.

⁴⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918; Кони А.Ф. Моя Гефсиманская ночь. // Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. М., 1966; Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993; Головин Ф.А. Записки. // Красный архив. 1926. Т. 6; Клячко Л.М. За кулисами царского режима. Т. 1. Л., 1926; Клячко Л.М. Повести прошлого. Л., 1929.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1176.

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 760. Д. 108; там же. Ф. 781. Д. 793; РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 81.

⁵¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1175.

⁵² Там же. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 141; там же. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 702.

⁵³ Там же. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 312.

⁵⁴ Там же. Ф. 954. Оп. 1. Д. 308; там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 89.

⁵⁵ Там же. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 875.

⁵⁶ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 44.

⁵⁷ Там же. Д. 172.

⁵⁸ Там же. Д. 81.

⁵⁹ Там же. Д. 150; там же. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1146; там же. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 68, 70–73.

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 265. К. 201. Д. 39.

⁶¹ П.А.Столыпин. Переписка. М., 2004; П.А.Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006.

⁶² РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 134; там же. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 145; там же. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 384–385.

⁶³ ОР РГБ. Ф. 265. К. 208. Д. 11; РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1390.

правительственных мероприятиях⁶⁴. В этом отношении немалое значение имеют и иные официальные документы – циркуляры, ведомственная переписка и т.п. Некоторая часть этих материалов опубликована⁶⁵, но основная масса сосредоточена в фондах высших и центральных учреждений России, и прежде всего – в фонде Совета министров в РГИА⁶⁶.

Если в делопроизводстве Совета министров руководители ведомств представлены, за редкими исключениями, как члены «объединенного правительства», действующие на базе общей программы, то протоколы Особых совещаний в Петергофе и Царском селе, проходивших с июля 1905 г. по апрель 1906 г., дают иную сторону картины. На них, при обсуждении важнейших внутривластных вопросов (избирательной системы, функций и устройства Думы и Государственного совета, Основных государственных законов), со всей резкостью отражались разногласия между сановниками, различие их воззрений на население страны, на задачи и методы правительственной политики⁶⁷.

Столь же оживленные дебаты в среде высшей бюрократии, но по аграрному вопросу, зафиксированы в протоколах Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения, сохранившихся в соответствующем фонде⁶⁸.

Не менее определенно личная позиция государственных деятелей выражалась в их всеподданнейших докладах и записках. К числу особенно ценных источников этого типа следует отнести две записки И.Л.Горемыкина, датированные весной–летом 1906 г.; они не опубликованы и почти не использованы в литературе⁶⁹. Весьма мало изучены в историографии и доклады Столыпина, относящиеся ко времени работы второй Думы, отчетливо показывающие постепенную перемену в его настроениях, исчезновение надежд на совместную работу⁷⁰. Сохранились также весьма интересные

⁶⁴ Совет министров Российской империи, 1905–1906 гг.: Документы и материалы. Л., 1990; Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. Ч. I–V. М., 1982; Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. Ч. I–IV. М., 1984.

⁶⁵ П.А.Столыпин. Переписка. С. 644–650; П.А.Столыпин. Грани таланта политика. С. 75–157; П.А.Столыпин. Биохроника. М., 2006.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1276.

⁶⁷ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917; Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права. // Былое. 1917. № 3; Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания в феврале 1906 г. под председательством бывшего императора по выработке учреждений Государственной думы и Государственного совета. // Былое. 1917. № 5–6; Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов. // Былое. 1917. № 4.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1212.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 520.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 65–76.

всеподданнейшие доклады и записки С.Ю.Витте⁷¹, П.П.Извольского⁷², П.М.Кауфмана⁷³, С.Е.Крыжановского⁷⁴, И.И.Толстого⁷⁵, Д.Ф.Трепова⁷⁶.

В материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства сохранились показания сановников, доживших до 1917 г., об их участии в формировании внутренней политики 1905–1907 гг. Свои взгляды на события тех лет обстоятельно изложили С.Е.Крыжановский и В.Н.Коковцов, небезынтересны протоколы допросов И.Г.Щегловитова, А.А.Поливанова и гр. В.Б.Фредерикса, а также показания П.Н.Милюкова⁷⁷.

Особое место среди источников официального происхождения занимают стенограммы выступлений высших сановников империи в представительных учреждениях. Этот источник уникален для истории дореволюционной России, он появился лишь в годы «думской монархии», когда перед правительством встала задача публичной защиты своих взглядов и принципов перед лицом народных представителей, «словесного поединка» со своими политическими противниками. Именно здесь, в первой и второй Государственных думах, были оглашены программы двух кабинетов, здесь, в речах многих сановников, отдельные составляющие этих программ получили обоснование и дальнейшее развитие. Неоднократно выступали в Думе П.А.Столыпин⁷⁸, И.Г.Щегловитов, В.Н.Коковцов, В.И.Гурко, А.С.Стишинский, кн. Б.А.Васильчиков, П.М.Кауфман и другие государственные деятели⁷⁹. В Государственном совете, помимо членов правительства, высказывали свои взгляды отставные министры, назначенные членами Совета, такие как С.Ю.Витте, М.Г.Акимов, П.Н.Дурново, С.С.Манухин⁸⁰.

Наконец, весьма важен для изучения правительственной политики еще один тип источников – публицистика государственных деятелей. Особый интерес представляет публицистическое наследие государственного контролера П.Х.Шванебаха, позиция которого почти не получила отражения в мемуаристике⁸¹. Воспоминания В.И.Гурко дополняются его брошюрой по

⁷¹ Совет министров Российской империи; ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 555, 558.

⁷² ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 272. Л. 66–71.

⁷³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 272. Л. 34–46; РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 311, 317.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912.

⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 781. Д. 115.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 24; там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1059.

⁷⁷ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 2, 5–7. М.–Л., 1925–1927.

⁷⁸ Его выступления опубликованы отдельно: Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991.

⁷⁹ Государственная дума. Созыв 1-й. Сессия 1-я. Стенографические отчеты. Т. 1–2. СПб., 1906; Государственная дума. Созыв 2-й. Сессия 2-я. Стенографические отчеты. Т. 1–2. СПб., 1907.

⁸⁰ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия 1. СПб., 1906; Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия 2. СПб., 1907.

⁸¹ Шванебах П.Х. Записка Шванебаха. // Голос минувшего. 1923. № 2 (окончательный вариант записки см.: ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 27–31 об.); Шванебах П.Х. Записки сановника. // Голос минувшего. 1918. № 1–3; Шванебах П.Х. По поводу думского заседания 13 ноября. // Киевлянин. 1907. 20 ноября.

аграрному вопросу, опубликованной в марте 1906 г.⁸² Точно так же воззрения И.И.Толстого, помимо его дневников и мемуаров, изложены в его брошюре о народном образовании, вышедшей в 1907 г.⁸³

Другой публицистический жанр – интервью – в начале XX в. был еще редкостью. Тем не менее, уже в 1906 г. были опубликованы чрезвычайно ценные интервью с П.А.Столыпиным⁸⁴ и Д.Ф.Треповым⁸⁵. Эти беседы с иностранными корреспондентами предназначались для зарубежной прессы, и острота поставленных западными журналистами вопросов побуждала государственных деятелей четко формулировать и аргументировать свою позицию по самым сложным проблемам внутренней политики. Среди других материалов, опубликованных в дореволюционной печати, можно отметить некролог И.Г.Щегловитова своему предшественнику на министерском посту М.Г.Акимову⁸⁶, а также воспоминания нескольких членов кабинета Витте о своем премьере, появившиеся в печати в 1911 г., в связи с полемикой между Витте и Гучковым⁸⁷.

Цели и задачи исследования.

На основе широкого круга источников в работе предпринята попытка осветить восприятие государственными деятелями манифеста 17 октября и складывавшегося «нового строя», выяснить, какое место в рамках этого строя они отводили представительным учреждениям и политическим партиям, определить, в каких слоях населения они видели его социальную опору.

Хронологические рамки.

Исследование охватывает период с 17 октября 1905 г. – даты опубликования манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», заложившего основы «нового строя» российской государственности, – до 3 июня 1907 г., когда была распущена II Государственная дума и издан новый избирательный закон, положивший основание «третьеиюньской системе».

Научная новизна исследования.

Работа представляет собой первую попытку анализа участия правящей бюрократии в формировании «нового строя» в конце 1905 – 1907 гг. Проведенное исследование позволяет уточнить сложившееся в историографии представление о расстановке сил в правящих кругах Российской империи, о задачах правительственной политики, целях, преследовавшихся ее

⁸² Гурко В.И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906.

⁸³ Толстой И.И. Заметки о народном образовании в России. СПб., 1907.

⁸⁴ Внешние известия. // Новое время. 1906. 18 июля. Также некоторые интервью со Столыпиным опубликованы в вышеупомянутом сборнике (П.А.Столыпин. Грани таланта политика. С. 464–505).

⁸⁵ Интервью с Д.Ф.Треповым. // Новое время. 1906. 25 июня.

⁸⁶ Щегловитов И.Г. Памяти Михаила Григорьевича Акимова. // Журнал Министерства Юстиции. 1914. Отд. II. № 7.

⁸⁷ «Живой труп 17-го октября...» Из ответа гр. С.Ю.Витте А.И.Гучкову. М., [1911].

руководителями, а также дает новый материал для характеристики самодержавия начала XX в. В научный оборот вводится значительное количество неизвестных или малоизученных источников.

Практическая значимость исследования.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения проблем отечественной истории начала XX в., при создании обобщающих исследований по политической истории России, а также при разработке общих и специальных курсов.

Апробация работы.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX – начала XX вв. Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Основные положения диссертации были изложены автором в ряде публикаций, а также в выступлениях на XIV Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского Института 21–24 января 2004 г. и на международной научной конференции «Реформы и революции в России: XIX–XX вв.» в Московском педагогическом государственном университете 17–18 октября 2005 г.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются проблематика, цели и задачи исследования, дается характеристика источников и литературы.

Глава 1. Манифест 17 октября и его последствия в оценке высших сановников империи.

В главе предпринята попытка выявить общие и индивидуальные черты во взглядах руководителей правительственной политики, в их восприятии манифеста 17 октября, основных элементов «нового строя» и перспектив его развития.

В октябре 1905 г. те сановники, которые были сторонниками «дарования свобод» и перемены государственного устройства, видели в этом прежде всего уступку освободительному движению. Об этом свидетельствует и предложение С.Ю.Витте «бросить кость»⁸⁸, и совет Д.Ф.Трепова «удовлетворить желание масс»⁸⁹. В те же дни А.П.Извольский (тогда еще посланник в Копенгагене) пытался через вдовствующую императрицу «убедить царя в необходимости уступок – пока еще не поздно – разумным требованиям умеренной либеральной партии»⁹⁰.

⁸⁸ Цит. по: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994. С. 56.

⁸⁹ РГИА, ф. 1656, оп. 1, д. 87, л. 22 об. Раух Г.О. Мои воспоминания.

⁹⁰ Извольский А.П. Ук. соч. С. 17.

Это мнение не было всеобщим в бюрократических кругах, однако сам манифест единодушно расценивался не как реализация дальновидной программы, а лишь как уступка, сделанная властью «в минуту жизни трудную» под влиянием «испуга»⁹¹. И если Извольскому спустя полтора десятка лет, в эмиграции эта уступка представлялась спасительной, то П.Н.Дурново считал ее опасной для государства и заявлял об этом уже в ноябре 1905 г. Его точку зрения разделял и В.И.Гурко, характеризовавший манифест как «несомненную капитуляцию власти перед общественностью или, вернее, перед революционными силами»⁹², и С.Е.Крыжановский, которому казалось в момент издания манифеста, что «что-то словно треснуло в нашей жизни и поползло лавиной, надвигалась какая-то неясная, чужая сила, и невольно приходило на ум: “Прости, Святая Русь...”»⁹³.

Уже сама форма манифеста 17 октября вызывала у сановников нарекания. Неопределенность его выражений, по мнению П.М.Кауфмана, «дала повод думать, что обещание – уже состоявшийся закон», и, таким образом, стала «источником неисчислимых бед»⁹⁴. На эти редакционные недостатки обращали внимание и Д.Ф.Трепов, и А.Ф.Редигер.

Вместе с тем, руководителям правительственной политики далеко не бесспорной представлялась и основная идея манифеста, которую некоторые (как, например, Дурново) находили «преждевременной» и «не соответствующей характеру русского народа»⁹⁵. Население страны, по словам Гурко, кн. Васильчикова и Кауфмана, еще «не доросло» до самоуправления, «не созрело» для восприятия конституции⁹⁶.

С другой стороны, те же самые государственные деятели в большинстве своем были глубоко убеждены в том, что чисто бюрократический режим управления страной к началу XX в. себя изжил. Русский народ, по выражению Васильчикова, «вступал в такой возраст, когда он уже перестал быть объектом управления»⁹⁷. «Россия переросла форму существующего строя, – говорилось в докладе Витте, – и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы»⁹⁸. Почти дословно повторяя его слова, Гурко отмечал в мемуарах, что «жизнь народа, предъявляемые ею разнообразнейшие требования переросли силы бюрократии, переросли и форму государственного управления»⁹⁹. Вполне

⁹¹ Васильчиков Б.А. Ук. соч. С. 217; Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора. № 2. С. 125; Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 497, 499, 488.

⁹² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 467.

⁹³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 56.

⁹⁴ РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 311, л. 1 об. (всеподданнейший доклад П.М. Кауфмана 3 июня 1906 г.).

⁹⁵ Воспоминания... И.И. Толстого. С. 166.

⁹⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 426; Васильчиков Б.А. Ук. соч. С. 192; РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 311, л. 1 об. Всеподданнейший доклад П.М.Кауфмана 3 июня 1906 г.

⁹⁷ Васильчиков Б.А. Ук. соч. С. 230.

⁹⁸ Цит. по: Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 210.

⁹⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 426.

сознавал это и Дурново, указывавший осенью 1905 г. на необходимость решительных политических реформ («мы живем как в осажденном лагере, мы перестаем быть национальной властью и превращаемся в каких-то порабощенных-татар»¹⁰⁰).

Кризис системы управления, по мнению сановников, во многом был связан с личными качествами последнего русского императора, призванного к единоличному правлению, но «лишенного дара быть самодержцем»¹⁰¹. «Слабость» Николая II с поразительным единодушием признавали столь различные по взглядам министры, как А.П.Извольский и кн. А.А.Ширинский-Шихматов. В результате же, полагал Гурко, «самодержавие в руках Николая II, как единоличное и самостоятельное разрешение основных государственных вопросов, перестало существовать», а реальная власть сосредоточилась в руках «кучки сменявшихся в пределах управления отдельными отраслями народной жизни олигархов», поглощенных борьбой друг с другом и неспособных к формированию единого внутривластного курса¹⁰². Не случайно Редигер – сторонник твердой и инициативной власти («как при Александре II»), – общаясь с последним императором, пришел к выводу, что «ограничение его власти было нужно»¹⁰³. Не менее характерно, что Кауфман, сам будучи министром, заявлял царю, что «для массы населения самодержавный неограниченный монарх давно заслонен высшими представителями исполнительной власти», прикрывавшимися «именем неограниченного монарха для осуществления своей власти, не неся, в сущности, ни перед кем ответственности»¹⁰⁴.

Для Николая II, впрочем, подобные заявления не были новостью. Предшественник Кауфмана гр. И.И.Толстой еще при своем назначении в октябре 1905 г. уверял императора, что «бюрократический режим совершенно непригоден для России, что Россия им загублена»¹⁰⁵. Не менее принципиальным противником «старого строя» был А.П.Извольский, который с детства восхищался своим прадедом князем Яшвилем (участником убийства Павла I) и заучил наизусть его слова, что самодержавие – «самый опасный из всех видов власти»¹⁰⁶. Сам Извольский считал самодержавный строй в XX в. «анахронизмом» и отмечал в дневнике в апреле 1906 г. свое «постоянное и страстное желание стряхнуть с России последние остатки несвойственной нам монгольщины»¹⁰⁷.

¹⁰⁰ Там же. С. 485.

¹⁰¹ Васильчиков Б.А. Ук. соч. С. 197, 214–215.

¹⁰² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 37, 35, 45.

¹⁰³ Редигер А.Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 283–284.

¹⁰⁴ РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 311, л. 2–2 об.

¹⁰⁵ Воспоминания... И.И. Толстого. С. 25.

¹⁰⁶ Извольский А.П. Ук. соч. С. 99–100.

¹⁰⁷ Там же. С. 176; ГАРФ, ф. 559, оп. 1, д. 86, л. 40 об. Дневник А.П. Извольского.

При этом характерно, что рассуждения сановников о перемене государственного устройства империи, часто неоднозначные и противоречивые, лежат в совершенно иной плоскости, нежели вопрос о происхождении манифеста 17 октября. Их восприятие манифеста как уступки плохо согласовывалось с той теоретической базой, которую они задним числом подводили под этот акт. Особенно ярко подобная коллизия проявилась у Крыжановского, который в своих воспоминаниях, подобно многим другим, объясняет появление манифеста испугом Витте и вел. кн. Николая Николаевича перед революцией, а немного выше утверждает, что революционные потрясения «у нас имели весьма мало значения и, собственно, лишь сопутствовали изменению... способа правления». «В действительности, – продолжает Крыжановский, – русская конституция или, вернее, обновленный строй нарождались из внутреннего развития государства»¹⁰⁸.

Тем не менее именно манифест 17 октября воспринимался руководителями правительственной политики как поворотный пункт этого «внутреннего развития». Особым пафосом в оценке своего детища отличался Витте, который без ложной скромности писал и говорил, что манифест «отрезает вчера от сегодня, прошедшее от будущего», что «нет более старой России, а существует новая Россия», которая «зовет всех строить новую, светлую жизнь»¹⁰⁹. В этом мнении он был отнюдь не одинок. О «коренном преобразовании нашего государственного строя», о «великом историческом переломе», о «глубоких изменениях» в общественных отношениях, произошедших 17 октября, говорили многие¹¹⁰. Д.Ф.Трепов собирался вместе со всей страной праздновать «великий патриотический национальный праздник рождения новой, свободной России»¹¹¹; морской министр А.А.Бирилев был уверен, что теперь «хорошая, новая жизнь потечет широкой струей»¹¹², для Гурко манифест означал начало «новой эры», а для Толстого – «превращение России одним росчерком пера в правовое государство», в «конституционную монархию с широким, кто бы что ни говорил, представительством интересов населения»¹¹³.

Вообще, как вспоминал Крыжановский, «в сознании большинства деятелей того времени: графов Витте, Сольского и других, ... преобладала мысль, что дана конституция в смысле формального и бесповоротного отречения государя от неограниченного самодержавия»¹¹⁴. Подобного мнения,

¹⁰⁸ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора. № 2. С. 125, 116–117.

¹⁰⁹ Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 240, 244, 270; Коковцов В.Н. Ук. соч. С. 95.

¹¹⁰ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 46, л. 2 (записка И.П. Шипова 14 декабря 1905 г.); Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. С. 63, 61; Особые журналы... 1906 год. Ч. I. С. 146; Совет министров Российской империи. С. 360.

¹¹¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 469.

¹¹² ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1176, л. 6 об. (письмо А.А. Бирилева Николаю II 20 октября 1905 г.).

¹¹³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 467; Воспоминания... И.И. Толстого. С. 152, 160.

¹¹⁴ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора. № 2. С. 126.

по-видимому, придерживался первоначально и сам Николай II, писавший матери 19 октября, что «обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу – это, в сущности, и есть конституция»¹¹⁵. В последующие месяцы, однако, подписание манифеста перестало восприниматься царем как ограничение его власти. Он, вероятно, принял точку зрения, неоднократно высказывавшуюся в правых кругах, согласно которой «манифестом 17 октября государь установил новый порядок управления, признав его полезным, но в его же власти вновь изменить его, если выяснится, что он негоден»¹¹⁶. «Мое самодержавие, – говорил Николай II кн. Б.А.Васильчикову, – осталось таким, каким было»¹¹⁷.

Но это не мешало тому же Васильчикову, вопреки словам императора, считать, что он «ограничил свою власть и стал монархом конституционным в общеевропейском значении этого слова»¹¹⁸. Еще более своеобразную позицию занимал Витте. По его словам, Николай II и после манифеста продолжал «считать себя самодержавным... в смысле “что хочу, то и сделаю...”»¹¹⁹. Зная это, Витте публично уверял его, что «манифест 17 октября не устанавливает конституции», но в мемуарах подчеркивал, напротив, что этот акт «окончательно и бесповоротно выводит Россию на путь конституционный, т.е. в значительной мере ограничивающий власть монарха»¹²⁰.

Расхождение во взглядах между царем и его министрами вылилось почти в открытый конфликт в апреле 1906 г., при обсуждении статьи об императорской власти в проекте новых Основных законов. Николай II выразил сомнение в необходимости исключить слово «неограниченный» применительно к монарху, однако ни у кого не встретил сочувствия. Особенно характерно было выступление министра юстиции М.Г.Акимова, который начал с того, что он «не сторонник свобод, данных народу», но настаивал на факте самоограничения императора актом 17 октября («Ваше величество добровольно себя ограничили в области законодательства... Там, где законодательная власть не принадлежит полностью императору, там монарх ограничен»¹²¹). Его поддержали другие сановники, и императору пришлось отступить.

Свое собственное положение «конституционных министров» государственные деятели признавали нелегким. Но, усаживаясь в министерское кресло, они говорили об этом с оттенком гордости. «Мы – конституционное

¹¹⁵ Цит. по: Ганелин Р.Ш. Ук. соч. С. 214.

¹¹⁶ Первая революция в России. С. 452.

¹¹⁷ Васильчиков Б.А. Ук. соч. С. 193, 221.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 247.

¹²⁰ Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания ... по выработке учреждений Государственной думы и Государственного совета. С. 307, 295; Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 249, 270.

¹²¹ Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания ... по пересмотру Основных законов. С. 206–207.

правительство», – с пафосом заявлял подчиненным П.Н.Дурново в первые дни своего управления министерством¹²². Сменивший его П.А.Столыпин в день своего назначения писал жене: «Если и ждет меня неуспех, если придется уйти через 2 месяца, то ведь надо быть и снисходительным – я ведь первый в России конституционный министр внутренних дел»¹²³. Подобные настроения быстро выветрились и у Дурново, и у Столыпина. Не прошло и полутора лет с момента обнародования Основных законов, оформивших «новых строй», как правительство совершило явно «неконституционный» шаг, опубликовав 3 июня 1907 г., одновременно с роспуском второй Думы, новый избирательный закон без обсуждения его в законодательных палатах.

Быть может, не последнюю роль в этой метаморфозе сыграла неопределенность, «смутность» самого понятия «новый строй» и противоречивость представлений о нем государственных деятелей. Этот строй необходимо было еще создавать и укреплять. И не случайно размышления сановников о «новом строе» и его судьбе зачастую переходили в рассуждения об отношении к Думе, «общественным деятелям», партиям и народным массам. Судьба «нового строя» оказывалась неразрывно связанной с поисками его социальной опоры.

Глава 2. Политические партии и представительные учреждения в восприятии государственных деятелей.

В главе рассматривается отношение членов правительства к революционному движению, легальным политическим партиям и представительным учреждениям – Государственной думе и Государственному совету. В том числе, освещаются безуспешные попытки наладить сотрудничество с либеральной оппозицией и подготовка изменения избирательного закона 3 июня 1907 г.

Создание «нового строя», основы которого были заложены манифестом 17 октября 1905 г., означало расширение политических прав населения и изменение форм политической борьбы: провозглашалось предоставление законодательных прав народному представительству, в котором видную роль должны были играть политические партии. Впервые к участию в управлении страной была призвана «общественность», т.е. та политически активная часть общества, которая издавна сознательно противопоставляла себя «бюрократии». Для укрепления государственного строя высшим сановникам империи необходимо было найти в этой среде потенциальных союзников и наладить с ними сотрудничество, без чего становилось практически невозможным сколько-нибудь стабильное существование новой политической системы.

¹²² Герасимов А.В. Ук. соч. С. 43.

¹²³ П.А.Столыпин. Переписка. С. 606.

Однако в условиях революции решение этой задачи было особенно сложным. Характерно, что основную опасность революционного движения сановники видели не столько в террористических актах (осуществляемых узким кругом лиц), сколько в распространении социалистических идей, причем рассматривали этот процесс чаще всего как стихийный и неизбежный, затронувший самые разнообразные социальные группы. Тревогу правительства вызывало также создание полулегальных революционных организаций, подобных Петербургскому Совету рабочих депутатов, которые имели немалый авторитет и существенно подрывали престиж государственной власти.

В целом можно сказать, что основную угрозу для государственного строя руководители правительственной политики видели не в революционных организациях как таковых, а в их тесном контакте с другими общественными силами. В частности, опасения вызывало сотрудничество революционеров с радикальным крылом либеральной интеллигенции (т.е. с кадетской партией): с одной стороны, кадеты, требуя перехода власти в свои руки, могли добиться этого «лишь при содействии элементов революционных», а с другой, «без участия буржуазных интеллигентных кругов, без первоначального возбуждения ими общественного настроения ... революционеры одни и сами по себе тоже ничего бы не достигли. Революции неизменно идут сверху и затрагивают народные массы лишь впоследствии»¹²⁴.

Именно этот союз и был, насколько можно судить, основной причиной тех крайне резких оценок, которые «бюрократы» давали кадетам. Следует отметить, что кадеты были единственной политической силой, которая, по мнению правительства, реально могла претендовать на власть; некоторые государственные деятели (Д.Ф.Трепов, А.П.Извольский и другие) всерьез рассматривали проекты образования «кадетского министерства» и вели об этом переговоры. С другой стороны, сановники воспринимали кадетов как «революционеров», решительных врагов существующего государственного устройства. Даже Толстой, считавший в сентябре 1906 г., что «кадетские принципы недурны», через четыре месяца записал в дневнике, что их «политическая “платформа” все более упрощается и сведется скоро к двум словам: “ненависть к правительству”, к которым можно прибавить, я думаю, третье: “непримиримая”»¹²⁵.

Не намного удачнее были и попытки государственных деятелей наладить контакт с оппонентами «Партии народной свободы» в среде той же либеральной «общественности» – с «Союзом 17 октября» и вообще с умеренно-либеральными силами. Отношение к ним самих членов кабинета было достаточно сложным и менялось с течением времени. Далекое не сразу эти силы

¹²⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 501.

¹²⁵ Толстой И.И. Дневник. С. 13, 63.

выделились из единого «освободительного движения», однако возникновение «Союза 17 октября» породило в правящих кругах надежды на победу этой партии на выборах; неоднократно строились планы привлечения умеренных общественных деятелей в состав правительства.

Надежды эти, однако, не оправдались: в условиях брожения, охватившего все слои общества, любые попытки умеренных партий вступить в сотрудничество с правительством лишали их самих общественной поддержки. Именно к такому выводу пришел С.Е.Крыжановский, пытаясь выявить те факторы, которые повлияли на исход выборов в первую Думу. По его словам, «общество не верило правительству и вполне последовательно отвернулось и от тех партий, которые предполагали возможность совместной с ним деятельности. Таким образом ко времени выборов даже более умеренно настроенные перешли на сторону оппозиции правительству»¹²⁶.

Формирование более или менее влиятельных проправительственных общественных сил было, по мнению государственных деятелей, долгим и сложным процессом, который проходил как раз в период первой русской революции и получил свое завершение уже в третьеиюньской системе.

Если октябристы не оказались в глазах высокопоставленных сановников надежной социальной опорой, то равным образом это можно сказать и о правых общественных движениях. Эти силы тоже оформились далеко не сразу, поскольку никогда прежде они не имели необходимости публично отстаивать свои политические взгляды. Не меньшую роль сыграло здесь то же самое «всеобщее брожение», которое и в дальнейшем препятствовало превращению правых в мощное общественное движение.

При таких условиях многие государственные деятели не могли не приветствовать образование в октябре 1905 г. «Союза русского народа», который сыграл «отрезвляющую роль в общественном движении того времени» и самим фактом своего существования «способствовал удержанию революционеров в известных рамках»¹²⁷. Сановники отмечали, однако, что практической пользы от этой организации было немного. Она оказалась даже опасной для правительства. Не имея опоры в образованных слоях русского общества, крайние правые все более определенно воспринимались как партия народных низов, приобретая при этом «наклонность к демагогии в направлении, сближавшем их с их противниками»: руководители союза, пишет Крыжановский, приняли «почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была в том лишь, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем Самодержавного Царя, как представителя интересов

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 2 об. Записка С.Е.Крыжановского, май 1906 г.

¹²⁷ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора. № 3. С. 126; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 509–510.

народа и его защитника от утеснения богатых, а другие – именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику. Различие было почти формальным»¹²⁸. Это отчасти объясняет, почему иные государственные деятели характеризовали «черносотенцев» резко отрицательно, усматривая и в теоретической, и в практической области значительное их сходство с крайними левыми; их называли даже «правыми революционерами»¹²⁹.

Найти поддержку среди политических партий в эти годы правительству, как мы видим, не удалось. Однако именно с ними высшие сановники империи должны были встретиться в Государственной думе – краеугольном камне того самого «нового строя», который они намерены были сохранять и развивать. Возможность сотрудничества с народным представительством (от чего зависели и перспективы этого строя) с самого начала была для сановников проблематичной, хотя важность такого сотрудничества отмечалась ими неоднократно. Политика по отношению к Думе оказалась поэтому одним из самых спорных вопросов для правящих кругов, причем разногласия начались еще задолго до ее созыва.

В каждом составе кабинета значительная часть министров (в том числе два премьера – Витте и Столыпин) возлагала на Думу немалые надежды, к открытию каждого ее созыва был подготовлен ряд законопроектов. И каждый раз постепенно нарастало разочарование в подобных надеждах, становилась общепризнанной необходимость роспуска законодательных палат. В осуществлении его определенное значение имело наличие в Совете министров принципиальных сторонников более или менее решительного отказа от «нового строя» (А.С.Стишинского, П.Х.Шванебаха и др.). Основную вину за оппозиционность Думы государственные деятели в конце концов почти единодушно возложили на избирательный закон, недостатки которого И.Л.Горемыкин отмечал, к примеру, еще в середине апреля 1906 г. В то же время от пересмотра избирательной системы сановники не ожидали серьезного эффекта. На это указывал и сам автор нового («третьеиюньского») закона – С.Е.Крыжановский, – который утверждал во вступительной речи к трем его вариантам, что «гарантии ни один из них не дает, решает дело не избирательный закон, а общественное настроение. Пока оно остается революционным, и Дума будет революционная, каков бы ни был издан закон»¹³⁰.

Значительно меньше, нежели к нижней палате, был интерес представителей правящей бюрократии к Государственному совету. Это неудивительно, если учесть ту цель, которая ставилась перед этим

¹²⁸ Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 153–154.

¹²⁹ Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 498; Толстой И.И. Дневник. С. 35.

¹³⁰ Шванебах П.Х. Записки сановника. С. 137.

учреждением при его создании. По выражению Витте, «верхняя палата должна представлять из себя буфер»¹³¹. На практике, однако, роль «буфера» Совету в 1906–1907 гг. играть почти не пришлось, поскольку лишь очень немногие законопроекты были приняты первыми двумя Думами и перешли в следующую инстанцию.

В целом, однако, нетрудно заметить, что положительных характеристик «общественности» у высших сановников империи сравнительно немного. Государственные деятели в своих размышлениях останавливают внимание прежде всего на антигосударственных течениях в русском обществе, тогда как те политические партии, на которые правительство пыталось опереться, по мнению бюрократии, либо не имели никакого влияния, либо, отражая настроение общества, оказывались в более или менее определенной оппозиции к кабинету. Немаловажно, что эти мрачные оценки принадлежат тем самым сановникам, которые в большинстве своем были сторонниками «нового строя», основанного на принципе широкого участия общества в политической жизни. Их отношение к Думе, к партиям ясно показывает, что в 1905–1907 гг. шел активный поиск тех общественных сил, с которыми правительство могло бы работать. Между тем, непригодность «общественности» к предназначенной ей при «думской монархии» роли, единодушно отмечаемая всеми представителями высшей бюрократии, неизбежно ставила вопрос о перспективах этого строя.

В какой-то степени эти трудности, вероятно, были связаны с отсутствием в самих правящих кругах четкого и однородного представления о том, каково должно быть место и функция в «новом строе» отдельных его составляющих (императора, правительства, партий и представительных учреждений), что неизбежно переносило вопрос о сотрудничестве между ними на весьма зыбкую почву личных контактов и взаимоотношений. Преобладавшее в Совете министров стремление «не упустить руководящей роли» во всех сферах политической жизни, вполне естественное в условиях реформирования страны, нередко вступало в противоречие с самой идеей привлечения «общественности» к управлению государством и побуждало государственных деятелей ориентироваться не столько на активное сотрудничество с теми или иными политическими силами, сколько на пассивную поддержку широких общественных слоев.

Глава 3. Правящая бюрократия в поисках социальной опоры.

В главе проанализированы представления сановников о положении различных общественных слоев (дворянства, торгово-промышленных кругов, чиновничества, интеллигенции, духовенства, солдат, рабочих и крестьян),

¹³¹ Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания ... по выработке учреждений Государственной думы и Государственного совета. С. 293.

освещены их попытки сформировать социальную опору «нового строя».

Острые конфликты, сделавшие невозможным сотрудничество правительства с основными политическими партиями и Думой, во многом были обусловлены состоянием общества. Общественное брожение и массовые беспорядки с начала XX в. заставляли высших сановников империи с особым вниманием всматриваться в страну, которой они управляли, и для понимания правительственной политики этого времени существенно важно представление власти о населении России и отдельных его слоях.

Наибольшее внимание сановников вполне естественным образом привлекало крестьянство, составлявшее около 80 % населения страны. Все без исключения представители высшей бюрократии сходились на том, что Россия – «страна преимущественно крестьянская». Несмотря на рост аграрных беспорядков, крестьянство оставалось в глазах правительства наиболее надежной опорой режима. Оно, как говорил на Петергофских совещаниях П.Л.Лобко, в отличие от образованных слоев общества, «ничего не говорит, не колеблет самодержавия, не требует уступок, а просит лишь о материальном его обеспечении»¹³². Аналогичная атмосфера царил и на Царскосельских совещаниях в декабре 1905 г., когда обсуждался новый избирательный закон. По свидетельству Крыжановского и Толстого, почти все участники их, «начиная с графа Витте, видели в крестьянстве опору престола и порядка». «Это порожденное славянофилами убеждение было распространено в правящих кругах, как своего рода поветрие. Победоносцеву приписывали фразу: “Мужичок... он чутьем спасет Россию”»¹³³.

Дворянство же воспринималось сановниками не как земельная аристократия западноевропейского типа, а в первую очередь как элемент «образованного общества». Основным выразителем дворянских настроений считалось земство, которое, в свою очередь, рассматривалось как центр «освободительного движения». Правительство, находясь в состоянии длительной борьбы с земством, в полной мере распространяло свою враждебность и на дворянство, отрицая его способность быть опорой государственного строя. Как говорил В.Н.Коковцов на Петергофских совещаниях, если земство в своих адресах отрицает «все исторические начала нашего строя», а $\frac{9}{10}$ земских гласных принадлежат к «благородному российскому дворянству», то нет никакого основания «верить в то, что дворяне в Думе будут представителями консервативных начал»¹³⁴.

Характерным признаком такого настроения в верхах было возникновение проекта Н.Н.Кутлера, который предусматривал принудительное отчуждение части помещичьих земель. «Что касается интересов помещиков дворян, –

¹³² Петергофские совещания о проекте Государственной думы. С. 118.

¹³³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 69–70; Воспоминания... И.И. Толстого. С. 220.

¹³⁴ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. С. 100–101.

говорил Витте, защищая проект, – то я считаю, что они пожнут только то, что сами посеяли: кто делает революцию? Я утверждаю, что делают революцию не крестьяне, не пахари, а дворяне, и что во главе их стоят все князья да графы, ну и черт с ними – пусть гибнут. Об их интересах, об интересах всех этих революционеров-дворян, графов и князей, я нахожу, правительству нечего заботиться и нечего поддерживать их разными римскими принципами»¹³⁵ (такими, как принцип частной собственности).

Лишь на примере первой и второй Думы правительство убедилось в неосновательности своих надежд на консервативность крестьянства. Стало очевидным, что аграрные вожеления крестьян, определяющие и их политическую позицию, связаны не просто с нехваткой земли, но и с особенностями крестьянского правосознания, находившегося в противоречии с основами государственности. Поскольку «верхи» общества, значительно поправевшие под влиянием революционных событий, по-прежнему не рассматривались как прочная опора, единственный выход сановники видели в том, чтобы воспитать «новое крестьянство». Основным средством такого воспитания «бюрократы» считали аграрную реформу, получившую впоследствии имя Столыпина. С одной стороны, введение крестьянской частной собственности на землю должно было закрепить у них понятие о неприкосновенности частной собственности вообще (в том числе помещичьей), а с другой – приобретение земель через Крестьянский банк и активизация переселения должны были мирным путем устранить малоземелье сельских масс.

Не менее остро, чем в выборе между дворянством и крестьянством, проблема ориентации на «верхи» или «низы» общества преломлялась в отношении правительства к двум другим социальным группам: рабочим и торгово-промышленным кругам. При этом характеристика рабочих имела много общего с оценками состояния крестьянства. Среди объединяющих их черт оказывается та же малосознательность и те же имущественные вожеления: народные массы вообще, по горькому признанию Крыжановского, «не понимали иных призывов, кроме обещаний раздела земель – в деревнях и захвата фабрик – в городах»¹³⁶.

По отношению к рабочим в правящих кругах тоже наблюдалась склонность к социальной демагогии; выражалась она как в прямом административном вмешательстве в отношения между предпринимателями и рабочими, так и в попытках возрождения гапоновских организаций. Подобные настроения, по мнению самих сановников, дали свои результаты. «Политика правительства, – пишет Гурко, – желающего отыгаться на спине

¹³⁵ Воспоминания... И.И. Толстого. С. 170.

¹³⁶ Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 154.

промышленности и за ее счет заслужить благодарность рабочего класса, имела, однако, своим последствием лишь огульное возмущение промышленных кругов и их вящее сближение не только с оппозиционными, но и с революционными силами»¹³⁷. Это разительно напоминает эффект от попыток принудительного отчуждения помещичьих земель. Сходство заключалось и в том, что политический облик торгово-промышленных кругов, подобно облику дворянства, во многом воспринимался через призму «освободительного движения», центром которого до манифеста 17 октября 1905 г. были в первую очередь органы земско-городского самоуправления. Как отмечали сановники, вместе с дворянством эти круги стали более консервативны, и вместе же получили преимущества по новому избирательному закону. Но точно так же они не стали в представлении высшей бюрократии и прочной социальной опорой режима – в первую очередь по своей внутренней размытости.

Серьезную опасность сановники видели в состоянии интеллигенции: признавая ее настроение «основным фактором народной жизни» (поскольку она имела наибольшие возможности для распространения любых идей и таким образом оказывала решающее влияние на формирование общественного мнения), они вместе с тем констатировали, что эти «интеллигентские слои представляли не творческие, а разрушительные элементы»¹³⁸. В лице представителей профессуры интеллигенция заражала оппозиционными настроениями молодежь («зеркало» русского общества), в лице «третьего элемента» – вела революционную пропаганду среди народных масс; еще одним каналом для распространения антиправительственных идей была пресса.

Это было тем более опасно, что в борьбе с революцией правительство не считало возможным полностью положиться и на сам государственный аппарат – бюрократию и армию. Чиновники, составляя часть «образованного общества», были подвержены влиянию интеллигенции и в значительной мере заражены ее оппозиционностью. «Общее брожение в стране», по мнению государственных деятелей, затронуло и войска. Лишь после увольнения запасных (которые представляли собой «не воинские части, а буйную, лишенную всякой дисциплины бесчинствующую толпу»¹³⁹) в армии был восстановлен порядок, однако и это не решило всех проблем. В письме А.С.Суворину в конце 1905 г. С.Ю.Витте, отмечая с удовлетворением, что «ныне мы можем быть уверены в войсках», добавлял, что, «к сожалению, войск крайне и крайне мало», и в этом «вся наша (правительства) беда, иначе не было бы всех тех сплошных разгромов»¹⁴⁰.

¹³⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 433.

¹³⁸ Там же. С. 426.

¹³⁹ Там же. С. 525, 520–521.

¹⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 147 об.–148.

Подводя итоги, следует сказать, что проблема поиска социальной опоры была для государственных деятелей в период первой русской революции особенно острой. Сановники видели возможность такого поиска, поскольку, указывая многократно и единодушно на «глубокое, всеобщее и даже раздраженное недовольство» существующим порядком вещей во «всех без исключения классах общества»¹⁴¹, они усматривали принципиальную разницу между требованиями либеральной оппозиции и стихийными волнениями масс. «Возникшее за последние годы политическое движение», по словам Крыжановского, лишь «совпало по времени (выделено мной. – Г.К.) с пробуждением в низших слоях общества борьбы классовых интересов»¹⁴².

Поиски опоры шли, однако, отнюдь не гладко и сопровождалась довольно резкими поворотами правительственной политики. Если в первый период революции в правящих кругах сохранялись еще следы «славянофильских» воззрений на народные массы, побуждавшие их к некоторой социальной демагогии, к поддержке материальных притязаний «верного царю народа» вопреки интересам «оппозиционного образованного общества», то в ходе революционных событий правительство пришло к убеждению в неспособности «низов» активно поддерживать правительство в рамках того нового государственного строя, постройка которого началась с изданием манифеста 17 октября 1905 г. В области аграрной политики акценты сместились в сторону изменения поземельных отношений с целью создания слоя крепких и самостоятельных крестьянских хозяйств фермерского типа, хотя идеи государственной опеки над крестьянами, государственной помощи малоземельным все еще пользовались популярностью в бюрократических кругах.

Постепенно определилась ориентация власти на сотрудничество с «верхами» общества, которое, в свою очередь, стало возможно – по мнению сановников – лишь благодаря «отрезвлению» «имущих классов населения» под влиянием массовых беспорядков. Определилась и изначальная, коренная неискренность подобного сотрудничества с обеих сторон, что делало весьма зыбкими политические реалии «нового строя».

Заключение.

В заключении диссертации подводятся основные итоги работы.

События 1905–1907 гг. не прошли бесследно ни для страны, ни для ее руководителей. Изменился государственный строй империи, сменились, и даже не раз, люди, занимающие министерские кресла, во многом стали иными их

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 1–1 об. Записка С.Е.Крыжановского, май 1906 г.; Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания ... по вопросу о расширении избирательного права. С. 256; Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора. № 3. С. 129; ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 86. Л. 9 об. Дневник А.П.Извольского; Государственный совет. 1907 год. Стлб. 541; Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 465.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 16. Записка С.Е.Крыжановского, май 1906 г.

взгляды на состояние дел в государстве, на самих себя, свои цели и возможности. После 17 октября правительству не удалось установить сотрудничество ни с политическими партиями, ни с представительными учреждениями. В то же время правящая бюрократия не видела ни одной социальной группы, которая могла бы служить прочной опорой правительства. Создание опоры в обществе превращалось в неотложную задачу правительственной политики.

Перспективы подобного социального творчества в аграрной по преимуществу стране государственные деятели связывали прежде всего с крестьянством, что в целом вполне соответствовало традициями пореформенного времени. И не случайно, при всей обеспокоенности сановников состоянием других социальных слоев, объектом целенаправленной правительственной политики были лишь деревенские массы. Однако курс на создание «нового крестьянства», провозглашенный при Столыпине, вызывал немало сомнений и разногласий в правительственной среде. Создание слоя мелких и средних земельных собственников требовало крупных финансовых вложений и обширных запасов земли и очень скоро натолкнулось на ограниченность ресурсов государства – как финансовых, так и земельных. И если вопрос о кредитах был преимущественно внутриправительственным, то землю для «крепких хозяйств» приходилось изыскивать ценой обезземеливания как части беднейшего крестьянства (что вело к росту социальной напряженности в деревне), так и испуганного «иллюминациями» дворянства, что было чревато крахом всей третьеиюньской системы, основанной на «крупном владении»¹⁴³. Открытым оставался и вопрос о том, в какой степени (и в каком качестве) крестьянство, пусть даже богатое и консервативное, сможет стать активной опорой правительства в Думе. Во всяком случае курс на создание новой социальной опоры власти не мог дать быстрых результатов. На деле же крестьянство плохо вписывалось в политическую систему «думской монархии», что и заставило правительство ограничить его представительство в Думе по новому избирательному закону 3 июня 1907 г.

Однако ни в период острых конфликтов с Думой, ни в более спокойные времена подавляющее большинство высокопоставленных сановников не рассматривало всерьез возможность возвращения к прежним порядкам. Во многом это было связано с резкой критикой ими прежнего «бюрократического режима», который Россия, по мнению Витте, «переросла»¹⁴⁴. Скептически оценивая личные качества Николая II как самодержца, они склонны были приветствовать ограничение его власти, которое притом вполне соответствовало их представлениям о прогрессивном движении человечества.

¹⁴³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 120–121.

¹⁴⁴ Из архива С.Ю.Витте. Т. 2. С. 210.

При всем различии своих политических позиций, все представители правящей бюрократии, за редкими исключениями, были «западниками». И в вопросе о государственном строе, и в аграрной сфере они ориентировались на европейские образцы.

Тем не менее, мы почти не найдем среди руководителей правительственной политики сознательных сторонников превращения России в парламентскую монархию или тем более республику. В результате характерная для многих государственных деятелей резкая критика существующего положения вещей не сопровождалась сколько-нибудь отчетливым видением положительного идеала развития страны. Происхождение и сущность «нового строя», его соответствие потребностям и представлениям народа, характер взаимоотношений правительства с Думой и дальнейшие судьбы народного представительства, пути решения аграрной проблемы не только вызывали разногласия между сановниками, но и для каждого из них в отдельности зачастую представляли загадку истории, не имевшую однозначного решения.

После безболезненного роспуска I и II Думы наличие у «народного представительства» прочных корней вызывало в правящих кругах все больше сомнений. Дума, «придуманная» в том виде, как она появилась, самим правительством, едва ли вообще могла обеспечить власти реальную поддержку в обществе. Фактически, «новый строй» не столько расширял социальную опору самодержавия, сколько создавал иллюзию такого расширения, значительно усложняя при этом систему государственного управления. Спасти страну от дальнейших потрясений «новый строй», возникший в ходе первой русской революции, оказался не в состоянии.

Публикации по теме диссертации:

Кропоткин Г.М. Дворянство в восприятии правящей бюрократии в 1905–1907 гг. // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2004». История. М., 2004. С. 78–82.

Кропоткин Г.М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после манифеста 17 октября 1905 года. // Отечественная история. 2006. № 1. С. 24–42.